

Воскресенье, 5-го декабря 1904 года.

Александръ Николаевичъ Пыпинъ.

(1833—1904 г.).

Телеграфъ принесъ намъ вѣсть о неожиданной смерти лучшаго нашего историка литературы, А. Н. Пыпина, скончавшагося въ С.-Петербургѣ, 26 ноября, на 71-мъ году своей жизни.

Родившись въ г. Саратовѣ, тамъ же окончивши гимназію, А. Н., будучи еще студентомъ С.-Пб. университета, началъ свою литературную дѣятельность въ 1852 г., когда, совместно со своимъ землякомъ, Н. Г. Чернышевскимъ, принялъ участие въ работѣ надъ словаремъ древняго русскаго языка.

Александръ Николаевичъ Пыпинъ.

И съ тѣхъ поръ А. Н. не прерывалъ своей литературной дѣятельности. Пятьдесятъ два года онъ неустанно трудился надъ разработкой родной литературы! И его выдающаяся арундия въ вопросахъ исторіи русской общественной мысли, его безпримѣрная продуктивность труда (всѣ его сочиненія составляютъ не менѣе 30-ти томовъ) создали А. Н. выдающуюся извѣстность не только въ Россіи, но и за границей.

Случайно сотрудничая сначала то въ „Отечест. Зап.“, то въ „Рус. Словѣ“, А. Н. во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ вплотную примкнулъ къ *могучимъ силамъ* „Современника“, гдѣ въ это время работали: Чернышевскій, Добролюбовъ, Некрасовъ, Тургеневъ, Салтыковъ и Л. Н. Толстой. „То было знаменательное время (говорить въ своихъ воспоминаніяхъ Пыпинъ), — время кризиса въ жизни государства и великаго перелома въ умѣ общества и народа, — канунъ и вѣсоргъ начала крымской войны, — чувствовался канунъ „великихъ реформъ“...“

А. Н. Пыпинъ готовился было къ профессурѣ, но жизнь вывела его изъ этой колеи. По окончаніи университета по филологическому факультету, онъ въ 1857 году защитилъ магистерскую диссертацию и въ 1860 году началъ читать въ Петербургскомъ университетѣ лекціи по исторіи провансальской и французской литературы среднихъ вѣковъ. Но въ 1861 году онъ уже вышелъ изъ университета вмѣстѣ съ профессорами: Кавелинымъ, Спасовичемъ, Стасюлевичемъ и Борисомъ Утинымъ.

Съ 1863 г. по 1866 годъ А. Н. былъ редакторомъ (вмѣстѣ съ Некрасовымъ) „Современника“, а съ 1866 г. вплоть до самаго послѣдняго дня своей жизни онъ былъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ „Вѣстника Европы“, къ которому началъ примкнуть всѣ пять профессоровъ, оставшіеся С.-Петербургскій университетъ въ 1861 году.

Еще даже въ 8-й книгѣ „В. Евр.“ за 1904 годъ мы читали послѣднюю статью А. Н., его рецензію о „Курсѣ русской исторіи“ Ключевского.

И эта послѣдняя работа А. Н. какъ нельзя болѣе ярко опредѣляетъ намъ взглядъ Пыпина на тѣ требованія научной критики, какія должно предъявлять къ ученому труду. А. Н. особенно дѣлится трудъ г. Ключевского за то, что тотъ придаетъ громадное значеніе „практическому цѣлямъ“ изученія отечественной исторіи.

Самъ г. Ключевскій ставитъ въ своемъ „Курсѣ рус. исторіи“ вопросъ: „Можетъ-ли научная исторія отечества имѣть свою *прикладную часть*?“ И самъ же отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: „Я думаю, что можетъ и должна имѣть, потому что цѣна всякаго знанія опредѣляется его связью съ нашими нуждами, стремленіями и поступками...“ И этотъ взглядъ Пыпинъ ставитъ ему въ заслугу.

И самъ Пыпинъ во всѣхъ своихъ литературныхъ трудахъ всегда и прежде всего имѣлъ въ виду именно эти „практическія цѣли“, „прикладную часть“ труда.

Каждый литературный трудъ Пыпина, всегда проникнутый глубокимъ общественнымъ интересомъ, всегда преслѣдовавшій „практическую цѣль“, являлся какъ бы откровеніемъ для читающей публики.

Въ его „Очеркахъ общественнаго движенія при Александрѣ I“ впервые (въ 1870 и 71 г.) была показана читателямъ яркая картина общественныхъ теченій въ эпоху Александра I.

Тоже и въ „Характеристикѣ литературныхъ мнѣній отъ 1820 до 1850-хъ г.г.“, гдѣ опять впервые и опять въ яркихъ чертахъ русская публика познакомилась съ главнѣйшими представителями русской теоретической мысли.

Тоже и въ его трудѣ: „Вѣнскій, его жизнь и перипетія“, гдѣ были даны совершенно новыя, до тѣхъ поръ не опубликованныя свѣдѣнія о Билинскомъ, о Станкевичѣ, о Бакунинѣ, Гершенѣ и Боткинѣ.

Тоже и въ самыхъ послѣднихъ его трудахъ „О Салтыковѣ“, „О Некрасовѣ“, гдѣ опять такіе читатель въ живыхъ картинахъ воспоминаній автора видитъ рядъ этюдовъ самаго недавняго прошлаго нашей родной литературы.

Не удивительно, что публика всегда съ напряженнымъ нетерпѣніемъ ожидала новыхъ и новыхъ работъ неутомимаго сотрудника „Вѣст. Европы“.

А. Н. Пыпинъ не былъ возмужал общественной мысли, — онъ не былъ выразителемъ общественной совѣсти, — его работа не носила характера „заоба дня“. Онъ всецѣло былъ углубленъ въ разработку того, что уже было перенято и перечувствовано нашими обществомъ, что уже нашло себѣ отраженіе въ нашей литературѣ. Но каждая его работа (даже маленькая рецензія) всегда и неразрывно связана съ переживаемыми „заобаями дня“, — и мы въ работѣхъ Пыпина учились понимать хорошее и дурное не только въ томъ, что прожили нами, но въ томъ, что переживаетея нами сейчасъ. И А. Н. всегда остается вѣрнѣ идеалу добра, справедливости и просвѣщенія, вынесенному изъ извѣстнаго времени начала своей литературной дѣятельности.

Для насъ, для сибиряковъ, А. Н. Пыпинъ дорогъ особенно тѣмъ, что въ одномъ изъ своихъ капитальныхъ трудовъ („Исторія русской этнографіи“) онъ большую часть IV тома этого труда посвятилъ Сибири. Этими своими трудами онъ кладетъ первый камень фундамента для прочнаго зданія науки сибирѣдѣнія. Сибирь, благодаря своей исключительной судьбѣ, подлѣзніемъ особымъ бытовымъ и климатическимъ условіямъ, — приобрѣла свои особыя этнографическія черты.

Лишь въ послѣдніе годы готовился нѣкоторая преобразованиемъ во внутренней жизни Сибири“. Но она и до сихъ поръ рисуется коренному населенію Россіи: „то какъ *золотое дно*, то какъ пустыня, то какъ синонимъ страшныхъ селятокъ“... До сихъ поръ Сибирь не имѣетъ обстоятельной исторіи... Накопившіеся отдѣльныя сообщенія о Сибири не объединены. И, вотъ, А. Н. П. ваяетъ на себя тяжелый и кропотливый трудъ — „изложить въ самыхъ обширхъ чертахъ послѣпенное развитіе тѣхъ изслѣдованій, какія послѣплены были Сибири съ ея перваго занятія русскими“.

Многое изъ этихъ изслѣдованій полузабыто; многое остается неизвѣстнымъ по недостаточности рѣдкихъ книгъ. И А. Н. съ замѣчательною добро-

совѣстностью отжилъ въ своемъ трудѣ всѣ „великодушныя усилія изслѣдователей“ Сибири и „ихъ многія важныя указанія, которыми могъ бы теперь воспользоваться изыскатель сибирской старины и народности“.

Какъ бы ни была мала и незначительна услуга кого либо изъ людей, содѣйствовавшихъ изученію Сибири, А. Н. П. оберегаетъ ихъ отъ забвенія, тщательно записываетъ все, что только можетъ гдѣ либо отыскать о Сибири и дѣлаетъ самую точную запись указанія на источники собранныхъ свѣдѣній о ней.

Заканчивая свой трудъ о Сибири и отбѣлая возрастающій интересъ къ изученію Сибири, — покойный А. Н. видѣлъ въ этомъ доказательство того, что: „тяжелое прошлое и своеобразная исключительность сибирскаго быта не уничтожили въ *Младой Сибири* потребности слушать интересамъ своей родины въ области знаній и практической общественной жизни“.

Николай Михайловичъ Мартяновъ.

Каждый сибирякъ, дорожающій интересами своей родины, съ глубокимъ чувствомъ признательности будетъ чтить память незабвеннаго труженника, такъ много работавшаго для усненія нашего русскаго самосознанія и положившаго прочное основаніе для научнаго изученія Сибири.

Да, будетъ незабвенна память о немъ!

А. Б. В.

Н. М. Мартяновъ.

Читателямъ „Сиб. Жизни“ уже извѣстно о смерти одного изъ неутомимыхъ труженниковъ науки — основателя знаменитаго Минусинскаго музея, Николая Михайловича Мартянова.

Минусинскій музей — это такая извѣстная сокровищница науки въ Сибири, что слава о немъ перешла далеко за границы Россіи и говорить о значеніи музея читателямъ-сибирякамъ было-бы, конечно, излишне.

Сколько-же нужно было труда, сколько нужно было силъ и энергіи для того, что-бы въ глухомъ, удаленномъ городишкѣ создать изъ ничего такое грандиозное зданіе науки, въ которое прѣбжали учиться даже европейскіе ученые?

Но покойный Н. М. Мартяновъ былъ именно такимъ неутомимымъ и энергичнымъ труженникомъ, былъ именно такимъ преданнымъ наукѣ и настоящей жизнью человѣкомъ. Жизнь его — это поучительная страница изъ книги борьбы умнаго и энергичнаго пасынка судьбы съ своей мачехой.

Уроженецъ сѣверо-западнаго края Россіи, Н. М. Мартяновъ проходилъ изъ бѣдной мѣшанской семьи, глава которой занималъ въ одномъ изъ мѣстечекъ Виленской губерніи скромную должность лѣсника.

Первоначальное свое образованіе Н. М. получилъ въ минской гимназіи, гдѣ пробывалъ, впрочемъ, очень не долго: когда мальчикъ дошелъ до третьяго класса, родители, не имѣвшие средствъ на его дальнѣйшее образованіе, рѣшивъ, что изъ сына пора уже самому зарабатывать себѣ хлѣбъ и

потому, видя его из гимназии, отдали учеником в местную аптеку. Такъ началась жизненная карьера Н. М. Мартынова.

Богато одаренный духовными силами, настойчивый и энергичный юноша не мог, конечно, удовлетвориться одной аптекарской профессией и в часы досуга много работал над пополнением своего школьного образования. В эти же годы определились и его главные наклонности: онъ очень интересовался ботаникой, минералогией, химией и проч. После въсколыхъ лѣтъ пребывания М. Н. въ Минской аптеки, мы видимъ его въ Петербургѣ, гдѣ онъ при медико-хирургической академіи удачно сдаетъ экзаменъ на аптекарскаго помощника и поступает на службу въ аптеку въ Царскомъ Селѣ.

Петербургская атмосфера, — пишетъ одинъ изъ биографовъ покойнаго — А. В. Адриановъ, — имѣла огромное влияние на развитие и образование любознательнаго юноши обширнѣе и доступнѣе знанія. Царское-сельские сады и оранжереи съ ихъ садовниками, музеи Медико-Хирургической академіи, Горнаго института и Академіи наукъ съ ихъ консерваторами, богатая и разнообразная коллекція университета и т. п. захватили вниманіе Мартынова и усилили жажду знанія.

Дальше мы видимъ Мартынова въ Москвѣ съ цѣлымъ поступленіемъ въ университетъ на фармацевтическіе курсы. Мартыновъ къ этому времени обладалъ такими познаніями по предметамъ этого курса, что могъ давать по нимъ уроки своимъ товарищамъ-студентамъ, за что отъ одного изъ нихъ пользовался квартирой, а отъ другого — столомъ. Черезъ два года пребыванія въ Москвѣ онъ сдалъ, въ 1873 г., экзаменъ на провизора съ отличіемъ и уѣхалъ вскорѣ въ Казань на службу въ аптеку Гража.

Конемъ 60-хъ годовъ и начало 70-хъ было какъ разъ временемъ, когда идея учрежденія областныхъ музеевъ подвергалась всестороннему обсужденію въ печати и въ Западной Европѣ, и у насъ въ Россіи. Мартынову, страстному коллектору, съ его складомъ ума и тѣмъ запасомъ свѣдѣній, какия онъ приобрѣлъ при своихъ занятіяхъ урывками, эта идея пришла по душѣ какъ нельзя болѣе. Перебывая въ Казани, онъ отдастся этой мечтѣ — посвятить всю свою жизнь созданію мѣстнаго музея и въ такой области, которая еще совершенно не тронута изслѣдователями, гдѣ бы всякого, — главнымъ образомъ, конечно, естественно-историческаго, — материала было непочатый уголъ. Въ своемъ представленіи мѣсто будущей дѣятельности онъ намѣтилъ въ отдаленнѣйшей части Сибири, на Амурѣ, который тогда еще только заселялся и устривался. Но для пробыла на Амуръ нужны были средства или какой нибудь подходящий случай. Последній скоро и явился, только не для Амура, а для Минусинска, въ которомъ мѣстный врачъ Малининъ открывалъ аптеку и приглашалъ къ себѣ на службу провизора.

И вотъ въ 1874 г. мы видимъ неутомимаго Мартынова въ Минусинскѣ. Онъ быстро заводитъ въ городѣ знакомства съ обывателями, знакомится съ краемъ и начиняетъ настойчивую пропаганду идеи учрежденія областного музея.

Насколько уявлено велась эта пропаганда, насколько энергично и успѣшно онъ завоевывалъ почву для будущаго музея — можно судить потому, что маленькая естественно-историческая коллекція, которую Мартыновъ привезъ съ собой изъ Казани и помѣстилъ въ минусинскомъ приходскомъ училищѣ, вскорѣ-же, при сотрудничествѣ мѣстныхъ обывателей, возрасла настолько, что заняла особую комнату въ училищѣ, потомъ сѣню, кухню.

Черезъ два года уже въ самомъ обществѣ возникло желаніе поскорѣе устроить музей и уже самою скромнаго Мартынова начали торопить официально открытій учрежденія, о которомъ онъ только мечталъ. Подъ давленіемъ безостановочнаго роста коллекцій и побуждаемый своими друзьями, онъ, наконецъ, 10 января 1877 г., подаетъ въ мѣстную думу заявление о томъ, что жерветъ собранную коллекцію — около полудури тысяча номеровъ, — городу съ цѣлью учрежденія публичнаго мѣстнаго музея, безвозмездное завѣданіе которымъ принимается на себя.

Такъ возникло это знаменитое теперь образовательно-научное учрежденіе, пустившее глубокие корни въ странѣ и насчитывающее въ своихъ коллекціяхъ до 60,000 номеровъ.

Насколько глубокие корни пустилъ музей въ странѣ можно судить по слѣдующимъ строкамъ, помѣщеннымъ болѣе 20 лѣтъ тому назадъ на страницахъ „Сибиряка“: „Золотопромышленническія поисковыя партіи, бродя въ дикой глуши сибирской тайги, не забывали о томъ, что обшались доставить материалъ для музея; переходя черезъ кипучія рѣки по бревнышкамъ, переносили на себѣ въ котомкахъ горныя породы для музея; золотоискатели на дылахъ съ картами поднимались любителями на вершины Каясына, чтобы добыть отътуда дикониную невиданную горную породу, состоящую изъ шестигранныхъ столбовъ“...

Такъ М. Н. Мартыновъ служилъ заинтересовать музеемъ даже неискательныхъ золотоискателей.

Отдавая весь свой досугъ своему дѣтищу — музею, отдавая ему всё свои знанія и силы, Мар-

Алтайцы.

тыновъ не былъ, однако, тѣмъ узкимъ специалистомъ, который вѣнчалъ другимъ, кромя своего дѣла не интересуется и, помимо этого дѣла, ни на какой другой почвѣ съ окружающей его средой не соприкасается. Напротивъ, это былъ очень мягкій, общительный и обходительный человѣкъ, который готовъ былъ помочь своему ближнему и словомъ, и дѣломъ, хотя бы то было въ ущербъ его личнымъ интересамъ.

Алтайцы.

Недаромъ же праздники музея — его 25 лѣтній юбилей — 10 января 1902 г. — были превращены друзьями Мартынова и въ его личный праздникъ, на который отозвался вся Сибирь въ лицѣ ея лучшихъ гражданъ.

Пусть-же будетъ легка земля этому много трудившемуся для Сибири человѣку.

Лучшимъ и самымъ прочнымъ памятникомъ ему будетъ основанный имъ музей, тропа къ которому не только не зарастетъ, но съ каждымъ годомъ будетъ шире и шире.

Алтайцы.

Горный Алтай представляетъ большой интересъ не только по своей природѣ, но и по своему населенію.

Здѣсь въ одномъ и томъ-же небольшомъ районѣ можно наблюдать и довольно высоко развитое земледѣльческое хозяйство русскаго колониста съ шашкой и маслосѣчнымъ заводомъ, и бѣдное жилище кочевника-скотовода инородца съ самыми примитивными потребностями и примитивными способами ихъ удовлетворенія. Главную массу населения Горнаго Алтая составляютъ кочевники алтайцы, известные у русскаго населенія и администраціи подъ именемъ калмыковъ. Районы ихъ обитанія носятъ названіе „Калмыцкихъ Стойбищъ“.

Калмыки появились на Алтайѣ еще задолго до прихода русскихъ. Но затѣмъ, когда колонизаціонный потокъ съ сибирскаго сѣвера сталъ направляться въ южныя части Сибири, то и въ Горный Алтай стали приходить русскія народности. Калмыцкія Стойбища вълѣглись ходоутайцами алтайцамъ были признаны русскимъ правительствомъ въ XVIII столѣтіи исключительной принадлежностью алтайцевъ и переселеніе туда русскихъ было запрещено. Но затѣмъ сама жизнь стала нарушать эти запреты и на калмыцкія земли стали переселяться русскіе колонисты изъ алтайскихъ предгорій или съ разрѣшенія алтайцевъ или же иногда вопреки ихъ воли. Русская администрація и сама стала затѣмъ разрѣшать переселенія въ Калмыцкія Стойбища. Такъ въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія при томскомъ губернаторѣ Суруенико было намѣчено 26 пунктовъ въ разныхъ

мѣстностяхъ Калмыцкихъ Стойбищъ для образованія переселенческихъ поселковъ. Это было сдѣлано для того, чтобы связать различные пункты Горнаго Алтая дорогами, въ этихъ проэктированныхъ поселкахъ предполагалось устроить станціи для земскихъ лошадей. Искоторые изъ этихъ пунктовъ превратились въ довольно крупныя селенія, икоторыя же, намѣченные на неудобныхъ мѣстахъ, оказались неосвоенными. Эта мѣра увеличила русское населеніе Горнаго Алтая и, конечно, отняла у алтайцевъ значительную часть земель, которыми они пользовались ранѣе. Въ настоящее время, когда на Алтай идетъ землеустройство, фактъ существованія этихъ селеній потребовалъ отвода для нихъ земель. Предполагалось произвести землеустроительную работу и на земляхъ кочевниковъ алтайцевъ, но эта мысль нынѣ оставлена, такъ какъ землеустройство алтайцевъ, основанное на общинѣ съ осѣдлымъ населеніемъ, принижаютъ, тяжело отозвалось бы на экономическомъ положеніи дискаріе-скотовода. Много земли въ Калмыцкихъ Стойбищахъ отощо также подъ миссіонерскими селеніями. Алтайскія миссіи существуютъ съ 30-хъ годовъ прошлаго вѣка и за это время она успѣла открыть на Алтай много „становъ“ и „подустанковъ“.

Алтайцы — это тюркская народность, близкая по типу и языку къ киргизамъ и черкесамъ, татарами. Въ настоящее время всѣхъ алтайцевъ насчитывается до 20 тысячъ. Некоторые изъ нихъ крещены, но громадное большинство остается язычниками — шаманистами. Нынѣ дѣломъ Алтай притягивъ къ себѣ взоры этнологовъ происходящимъ такъ религіознымъ движеніемъ. Религія также, какъ и другія области человѣческой жизни, подвергается эволюціи. Шаманизмъ уже не сталъ удовлетворять религіозныя потребности икоторыхъ алтайцевъ, почувствовалась необходимость въ переизмѣнѣ культа. На Алтайѣ явился человѣкъ Чота Чолпановъ во время своей китаической жизни познакомившійся съ буддизмомъ. Онъ сталъ проповѣдывать „Новую Вѣру“. Хорошо еще неизвѣстны основанія этой новой религіи. Въ настоящее время движеніе замолкло, но оно, конечно, должно возникнуть.

Главное занятіе алтайцевъ скотоводство, преимущественно разведеніе лошадей, и рогатаго скота. Овцеводство въ однихъ мѣстахъ болѣе распространено, въ другихъ менѣе. Подсобнымъ занятіемъ алтайца является зѣвроводство. Этотъ промыселъ игралъ ранѣе болѣе значительную роль, т. к. на Алтайѣ замѣчается уменьшеніе зѣбра вълѣгшемъ прогрессирующаго истребленія лѣсовъ, а также

ведствие увеличения населения. Но и ныне звѣроловство—немаловажный для алтайца промысел.

Почти каждый алтаец хороший охотник, изумительный праны звѣрей, искусный стрѣлок из своего первобытного кремневого ружья. Левшую долю результатов звѣрового промысла алтайца, однако, получает русский торговец, кредиторский промышленник свиному, порохохъ, чаея и проч. Видную роль въ экономической жизни алтайца играет также промысел кедрового орѣха. Но и здѣсь русский торговец получает главный барыш. Урожай орѣха бываетъ не ежегодный, а это тяжело отражается на кредитѣ алтайца, т. к. онъ обыкновенно заранѣе условливается со своимъ заимодавцемъ о количествѣ орѣха и о цѣнѣ. Въ случаѣ неурожая и невыплаты орѣхохъ долга, торговецъ налагаетъ на должника высочайшій процентъ, съ чѣмъ приходится мириться за невозможностью найти болѣе легкія условія кредита.

Алтайцы живутъ и лѣтомъ и зимою въ юртахъ почти исключительно, только у очень немногихъ имѣются болѣе приспособленные къ климату жилища.

Въ этомъ отношеніи алтайцы стоятъ значительно ниже киргизъ, у которыхъ имѣются специальныя зимовья стойбища, сдѣланныя изъ камня, глины или дѣся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Вообще киргизъ культурнѣе алтайца, и потребности его шире.

Даже большинство богатыхъ алтайцевъ зимой живутъ въ кошенихъ юртахъ, поддерживая постоянно огонь и согрѣваясь чаемъ, до котораго алтайцы большіе любители. У нѣкоторыхъ имѣются бревенчатая шестугольная юрта, но въ нихъ также не тепло, вследствие отсутствія печки. Большинство алтайцевъ зимой живетъ въ юртѣ изъ жердей, покрытой лиственной корой и имѣющей видъ конуса. Обѣды крещеные алтайцы, живущіе въ мисіонерскихъ селеніяхъ, уже строятъ избы, въ которыхъ и зимуютъ. Такая изба несомнѣнно на свои малые размѣры весьма представляетъ зимой свои преимущества въ сравненіи съ юртой. Но лѣтомъ алтаецъ перебирается изъ нея опять на воздухъ—въ юрту, которую обыкновенно и ставятъ тутъ же около избы. Нужно замѣтить, что козеникъ, поколѣбнѣиш прывикшіи къ жизни на воздухѣ, съ трудомъ прывыкаетъ къ закрытому помещенію. Оно нѣрѣдко вредно отзывается на его здоровье. Въ этомъ, вѣроятно, можно видѣть причину нѣрѣдко наблюдаемаго расстройста здоровья пѣтушихъ киргизскихъ дѣтей послѣ помѣщенія ихъ въ закрытое учебное заведеніе. Это и понятно, такъ какъ въ этомъ случаѣ рѣзко измѣняется весь жизненный режимъ. Известно не мало случаевъ, когда киргизы мальчики должны были оставлять по болѣзни школу и возвратясь въ свою родину не культурную обстановку поправлялись и выросли хотя и невѣжественными, но за то здоровыми людьми.

Одежда алтайца очень несложна: часто и зимой и лѣтомъ она состоитъ изъ шубы, кожаныхъ шароваръ и чичговъ (мягкихъ сапоговъ) собственнаго издѣлія. Онъ не ридится въ халаты, какъ киргизъ, не покрываетъ своей шубы дорогими матеріями, не заботится о красотѣ своей шапки.

Пища алтайца также несложна. Мясю онъ ѣсть безъ соли, можетъ обходиться почти совершенно безъ мучной пищи. Онъ даже не научился готовить хорошаго кумыса.

Изъ кислаго молока алтайцы готовятъ опьяняющій напитокъ «аракъ». Молоко наливаютъ въ котелъ съ плотной крышкой, черезъ которую проводится трубка. Котелъ подогревается и пары съ примѣсмью снушаго масла и спирта идутъ по трубкѣ въ сосудъ (нѣрѣдко кожаную бутылку), стоящій въ холодной водѣ. Тамъ пары сдуваются, образую аракъ, неприятнаго запаха и вкуса, мутноватую, содержащую небольшой процентъ алкоголя. Лѣтомъ, когда молока много, почти въ каждой юртѣ устраиваетъ примитивный винокуренный заводъ и алтайцы разбѣзжаютъ въ гости другъ къ другу. Зимой, когда скотъ перестаетъ доится вследствие скуднаго подножнаго корма, аракъ бываетъ какъ очень рѣдкое исключение и можетъ быть замѣнена только русской водкой. Достать послѣднюю однако затруднительно, такъ

какъ открыты въ калмыцкихъ стойбищахъ винныхъ лавокъ (а раньше до введенія казенной монополіи кабаковъ) запрещено. Русское населеніе, конечно, торгуетъ водкой и тайно, но весьма вследствие запрета, торговля эта не велика. Въ 90-хъ годахъ прошлоао вѣка выкурка арака запрещалась алтайцамъ русскими властями, алтайцы были этимъ очень недовольны, считая это запрещеніе неосновательнымъ, нарушающимъ ихъ права, тѣмъ болѣе, что аракъ они выкуриваютъ для собственного потребленія, а не для продажи. Нынѣ изготовленіе для себя арака признано правомъ иророщевъ, тѣмъ болѣе, что русское населеніе почти не употребляетъ этого напитка, и потому запретительныя правила отменены.

Алтайцы.

положеніи женщины у алтайцевъ очень низкое. Она не болѣе какъ товаръ, за который родители платятъ калмыкъ.

Алтайцы, какъ и киргизы и другіе первобытныя народы, живутъ еще въ періодъ родового быта, хотя уже въ его послѣдней стадіи. Они дѣлятся на роды, ведуще свое происхожденіе отъ какою-нибудь прародительи.

Въ жизни своей алтайцы руководятся обычаями, на основаніи его и рѣшаютъ свои дѣла.

нихъ. Однако общій запасъ этой народной алтайской литературы невеликъ.

Алтайцы не имѣютъ письменности и потому грамотности между ними, можно сказать, не существуетъ. Покойный мисіонеръ Вербицкій, составивъ словарь и грамматику алтайскаго языка, для начертанія звуковъ ввелъ русской алфавитъ. Между алтайцами если и попадаются грамотные, то это уже не козеники, а обѣды, живущіе въ близости мисіонерствъ или имѣющие съ ними частыя сношенія. Вообще бытъ кочевого алтайца по своему своеобразному и низкому культурному уровню можетъ представить богатый матеріалъ для исторіи человѣческой культуры. Необходимо только пользоваться настоящимъ временемъ для его изученія, т. к. бытъ этотъ, притомъ бытъ небольшого народа, среди котораго болѣе и болѣе видѣются элементы съ болѣе высокой культурой, начинаетъ измѣняться и это измѣненіе пойдетъ въ будущемъ быстрѣе, такъ что интереснейшій научный матеріалъ, не будучи своевременно собранъ, погибнетъ безвозвратно.

Объ алтайцахъ существуетъ нынѣ, насколько намъ известно, одинъ только капитальный трудъ—это трудъ С. П. Швецова «Горный Алтай и его населеніе». Но это дѣльное изданіе, выпущенное управленіемъ Алтайскаго округа, относится къ разряду изданій официальныхъ и потому очень мало распространенныхъ.

Г.

Сутки на станціи.

(Рассказъ изъ путевыхъ впечатленій).

Проложившіи, —ск. иллюстр. прологъ въ № 256 «Сиб. Ж.».

VI.

На кухнѣ у смотрителя обѣдаютъ. Впрочемъ, сказать «обѣдаютъ» — несовсѣмъ вѣрно; «засушиваютъ» — будетъ вѣрнѣе; такъ какъ блюда не подаются, а поставлены на столъ въ разномъ порядкѣ этотъ нарушенъ, вѣроятно, отъ перасположенія духа хозяйки и, кажется, отчасти отъ особеннаго расположенія духа хозяина. Во всякомъ случаѣ, кушанья, даже и при такой неаппетитной ихъ постановкѣ, довольно краснорѣчиво напоминаютъ о великодержавнейшемъ праздникѣ. Особенно краснорѣчивъ жареный поросенокъ со своими оставленными зубами; у него довольно выраженное на мордашкѣ, какъ будто онъ чувствуетъ себя въ эту минуту, по меньшей мѣрѣ, губернской почтмейстеромъ. Да и щи съ кашею и капустою такъ-себѣ, ничего; конечно, они ведутъ себя солидно, скромно; но въѣды они за то очень хорошо и сами понимаютъ, что простятъ русскимъ шамъ иначе себя и вести нельзя. Другое дѣло — рыбный пирожекъ. Это уже не тотъ младенецъ, который такъ смиренно торчалъ недавно на подносѣ съ водкой, — вѣтъ-съ! У этого и корушка другая, и видъ поумнѣвшій. Онъ такъ растолулся на столѣ, какъ будто хочетъ сказать присутствующимъ:

„Попробуйте-ка, дескать, съѣшьте меня!“

Немного подгуляла только студентъ; но ей это совершенно простительно; вѣдь ли кто обратитъ на нее вниманіе, созерная двухъ названныхъ молодцовъ. Торжественнѣе всего зѣкъ то, что всѣ эти messieurs и mesdames расположены такъ, какъ располагаются танцующіе во французской кадрили, — дама противъ кавалера и кавалеръ противъ дамы; такъ-что, еслибъ имъ вздумалось сейчасъ танцовать, то студентъ отдалсябыда бы съ рыбнымъ пирожекъ, а щи — съ поросенкомъ. За столомъ сидятъ только двое: у одного конца смотрительша, у другого vis-à-vis смотритель. Послѣдній не только сидитъ за столомъ, но даже вѣтъ-вѣтъ да и приляжетъ на него голову. Марія Белоронна больше ѣсть, чѣмъ слушаетъ; а Николай Семеновъ больше говоритъ, чѣмъ ѣсть. По правдѣ сказать, онъ почти и не ѣсть совсѣтъ, а только по временамъ, въ приливѣ краснорѣчія и ради особенной его выразительности, тычетъ вилокъ въ то либо другое блюдо. Замѣтательно, что въ продолженіи всего обѣда, его благородіе никакъ не можетъ расстаться съ этой вилокъ, какъ будто онъ вдругъ воображаетъ себя капельмейстеромъ,

Зимнее и лѣтное жилище обѣды алтайца.

Обычное право алтайцевъ совершенно не изучено. Мы не знаемъ ни одной статьи, посвященіи спеціально этому вопросу. Въ научной литературѣ встрѣчаются лишь отрывочныя свѣдѣнія по этому вопросу. А между тѣмъ обычное право алтайцевъ вследствие своеобразности ихъ быта представляетъ значительный научный интересъ. Алтайцы долго жили обособленно, русское населеніе до послѣдняго времени было совершенно незнакомо имъ, «Калмыцкихъ стойбищахъ».

Болѣе культурный русский элементъ не оказывалъ вліянія на бытовую строй алтайской жизни. Нынѣ, какъ мы уже сказали выше, положеніе дѣла измѣнилось. Потому то изученіе обычнаго права алтайцевъ является настоятельной научной необходимостью.

Духовные запресы алтайца также низки. И въ этомъ отношеніи киргизъ стоитъ значительно выше. Правда и у алтайцевъ существуютъ преданія и сказанія, но ни одинъ народъ не обходится безъ

как впрочем неудачно вообразил себя часовых дель мастеров. Вообще, господит смотритель находится пока въ самомъ извѣннѣйшемъ настроенн.

— Ну, Машечка! ужъ и прокатились же мы... Лихо!

— Чего и говорить!—Это и видно.

— Такъ онъ меня перъ, такъ перъ, что и... и скажутъ вѣзля!

— Ты бы хотъ любъ-то, чуело, вытеръ,—весь въ крови.

— Это я, Машечка, здѣсь, въ сѣняхъ, обь колоду ударился...

— Ужъ хотъ не вралъ бы ты, дуракъ этакой!

— А ты не ругайся; ты лучше меня полюбуй...

— Еще лучше кабы ты въ зеркало поглядѣлъ, на что у тебя рожа-то стала похожа: какъ стелька,—хотъ выжи! Чуело, такъ чуело и есть прямой...

— Огъ, братъ, мнѣ дорогой-то еще пятнику вѣучили!

— Кудакомъ въ любъ-отъ что-ли?

Марья или, выражаясь технически, „смотрительская Машка“, невидимо присутствующая при этомъ диалогѣ, надсѣдается—хочетъ за печкой, уткнувшись головой въ пещуру.

— Теперь ужъ ты у меня, Машечка—чиновница, ваше благородие, коллежская регистратора, а не почтальона какая-нибудь,—ты это почувству! Тридцать пять лѣтъ и три жѣсда,—вотъ оно чинъ-отъ-то что значить! Не шутка, братъ. Чего намъ, Машечка, не жить-то съ тобой? Намъ-то съ тобой и жить! Чего у насъ нѣтъ-то? Все у насъ есть! Ты поглядя-ка хорошенько. Вонъ и поросенокъ жареный у насъ есть (тыкъ); и щи съ капустой у насъ есть (тыкъ); и студень есть (тыкъ); и пироги (тыкъ),—всего довольно, слава тебѣ, Господи! Великое дѣло, Машечка—чин! А это, что „огражденъ-то четырнадцатый классомъ“ въ почтовомъ расписаннн стоитъ,—это пустика; было испытано—не ограждаетъ! Прежде, бывало, увидить тебя почмстерша: „Эй, ты, Марья! Вымой поди нѣтъ помы“,—ты и пошла, и вымыла... А теперь нѣтъ—лѣтъ! машишь, братъ! полно! Теперь, крокъ меня, никто тебя тыкать не смѣетъ...

Этотъ монологъ дѣйствуетъ на „смотрительскую Машку“ еще сильнѣе предыдущаго диалога. Она ужъ и не хочотъ даже, а просто ржетъ.

Смотритель оборачивается къ печкѣ.

— Ужъ ты у меня подыракаешь тамъ, ракади!

Но тутъ ужъ съ „смотрительской Машкой“ рѣшительно происходитъ конвульси. Наконецъ, зажавъ себѣ одной рукой носъ, а другой ротъ, она въ такомъ видѣ стрѣлой вылетаетъ изъ-за печки, черезъ кухню, въ сѣни.

„Ой, матушки! ой! моченки моей нѣту! ой!“ явственно доносится оттуда въ кухню.

— Мы съ тобой, братъ, можно сказать, благодарствуемъ, Машечка! Скажи ты мнѣ на милость, по чистой совѣсти скажи: у кого ты этакой пироги (тыкъ) видела? А поросенокъ—отъ, собачий сынъ! вышло, зубы-то какъ оскалил... Усъ (тыкъ)!

Смотритель, въ азартѣ, даже встаетъ, придерживаясь за спинку стула рукой, нечаянной выскок.

— И всякъ-то онъ кускомъ, дуракъ, выковырять тебя!

— Нѣтъ, ты мнѣ сперва скажи: гдѣ ты видела этакой пироги (тыкъ)?

Но при этомъ въ высшей степени азартномъ движенн, его благородие внезапно теряетъ равновѣсье и, улекая за собою несчастный стулъ, падаетъ навзничъ на полъ, съ приподнятой сверху въ правую руку выскок, на кончикъ которой торчитъ, въ видѣ грибовнй шапочки, кусокъ нечаянно подкѣтой изъ широкой корки. При такой поразительно-уморительной картинѣ—и сама смотрительша не выдерживаетъ: выпрыскиваетъ только-что было ввзутую въ ротъ ложку шей—обратно въ свою тарелку.

— Дуракъ, такъ дуракъ и есть, право! Вишь, вѣдь, какъ ты вазволился-то, прости Господи!—и натане-то въ сѣнбу не могло тебѣ провѣнтрить хорошеньки! И какъ это оно, бестѣий этакой, дѣлаетъ, что вѣдь вотъ на ногахъ совсѣмъ стоять не можеть, а языкъ у него ничего,—не смелеть у проклято!

— То-о-то!

— Затокалъ опять, какъ глухарь:—я вѣдь тебѣ въ козалаха какая досталась, токане-то твое подоло слушай!

„Не козалаха“ нехотя помогаетъ своему „глухарю“ подитися на ноги. Николай Семенчч нѣжничаетъ и все дѣловато лѣзаетъ, но поминутно лобызаетъ одинъ только воздухъ, насквозь пропитанный смачнымъ запахомъ кухни.

— Экая ты у меня какая (чмокъ) сердатая...

— Да ты ужъ хотъ не коверкайся,—вставай; не то брошу и уйду,—лежи тутъ свиной на волю хотъ до утра!

— Раздобрыла ты у меня, Машечка (чмокъ)!—отлѣлася на смотрительскихъ-то хлѣбкахъ (чмокъ)...

— Ну, тебѣ, дуракъ! Обеднуйся всею...

— Вѣдь не виноватъ же я, Машечка, что у меня на тебѣ (чмокъ) слюнки текутъ...

— Тотже, дуракъ, капаньемъ говоритъ!

— Чинъ-отъ, братъ, хотъ кому ума дасть,—да!

— Да, какже, такъ оно и было! Да ну тебѣ! вставай, кто ли!

— Я, Машечка, сейчасъ прогунаюсь (чмокъ) пойду...

— Иди-ка ты лучше спать, бестѣжная твоя рожа!

— Ей Богу, прогуляюсь пойду!

— Есть тамъ и безъ тебѣ кому заборы-то боками обгирать: подрычь-отъ твоей вѣщи ямичкомъ перепояль. Вотъ ужъ! почта-то приближить, и везти некому...

— Самъ повея!

— Дуракъ ты, дуракъ!

Бѣсла продолжаетъ все въ этомъ же родѣ, но недолго. Вышедшая наконецъ изъ терѣвнн смотрительша насильно уведить своего благобрынаго „дурака“ спать. Черезъ пять минутъ онъ уже хрантитъ, да таково сердито, что любимецъ Марья Федоровна, большой полосатый котъ, забравшнйся было къ нему подъ кровать, при первой же потѣ кубаремъ вылетаетъ оттуда съ испугу, вскакиваетъ, окончатльно растерявшнся, на туалетный столъ смотрительши, ежится и жалобно млучитъ, какъ будто выговариваетъ:

„Стра-а-шно! стра-а-шно! ай какъ стра-а-шно!“

Марья Федоровна, не обращая вниманн на своего любимца, который не блѣднеть смертельно въ эту минуту только потому, что у него вся морда въ шерсть,—сердито отправляется дообдѣлать.

„Смотрительская Машка“, возвратившаяся уже на кухню и къ которой, въ свою очередь, какикъ-то чудомъ вернулась „моченка“, стоить у печки, апетитно облизываясь на „барыню“. Ее, впрочемъ, все еще нѣтъ—нѣтъ да и передернетъ,—но крайней жѣры, не фыркаетъ. Слышно, какъ кто-то на улицѣ пнянымъ голосомъ забористо дотннываетъ:

„Во ле-ле-ны-ихъ лу-га-а-а-а-ахъ“.

— Ээхъ-ахъ!

VII.

Вечеръ. На почтовомъ дворѣ идетъ странная суматоха: „почта на шести паряхъ приближала“.

Суматохи этой въ трезвомъ состоянн изобразить невозможно; надо именно самому напиться, чтобъ передать сколько нибудь сносно всю эту безмассленную кутерьму. Это не суета множества людей, занятыхъ впопыхалъ однимъ общимъ свѣтлымъ дѣломъ; даже не извннительно—безтолковая суета пожара,—нѣтъ. Это просто какое-то отчаянное состоянне пняныхъ голосовъ, старающихся изо всей мочи перевертѣть или переругать одинъ другого. Неподразкаямая русская брань, самая закятная и съ такими небообразными вариациями, что, кажется, услышавъ ее въ первый разъ, повли бы и самая безстыдная уши, слылется здѣсь свободно, съ трескомъ, какъ крупный горохъ изъ неосторожно равнваннаго яшка.

Иной помолчитъ да какъ закятитъ свое заѣтное крѣкое слово, такъ только невольно подумается, что на выработку одного этого, истинно-ядовитаго слова, пошла вся его безразвѣтно-темная, горькая жизнь.

И надъ всѣмъ этимъ носится, заглушая остальные голоса, распялнннй голосъ почтальона, сопровождающаго „почту“, который, подъ бременемъ множества возложенныхъ на него губернсую конторую чужихъ „радостей и горестей“, находится самъ, сердечный, въ такомъ печальномъ положенн, что его двое ямичковъ выводятъ подѣ руки изъ почтовой повозки.

Смотрительша, въ торопяхъ накинущнсь чѣмъ-попало, выхотитъ на крыльцо и распрямиваетъ первого попавшагося ей на глаза ямичка, какъ фамилнн прибывающа съ почтой почтальона. Но ямичкъ оказывается столько же слѣпучъ въ этомъ, сколько и она. „Смотрительская Машка“, стремясь прибывающая откуда-то, весьма кстати выручаетъ ее.

— Бывокъ, Бывокъ, барани! докладываетъ она впопыхалъ, и тотчасъ же опять куда-то скрывается.

Смотрительша успокоивается.

— Марья Федоровна! мое наглубочайшее слышнть она вдругъ позади себя оглушающнй баст.

Оказывается, что передъ ней, пошатываясь въ обѣ стороны, стоить огромнаго роста почтальонъ, явшншнся сюда такъ неожиданно съ задняго крыльца. Вся особенность физиономн этого великана губернсую конторы единственно заключается въ томъ, что у него такн большнн ноздри, какъ будто онъ только и дѣлаетъ на своемъ яблукъ, что безпрестанно ковырять у себя въ носу.

— А! Матвей Иванчч! дорогой гостн!

И привѣтствнвъ нѣтъ коню; и онъ, также какъ и брань, сыплется здѣсь чѣмъ-то въ родѣ дешоваго гороха, горстями пускаемаго деревенскими мальчишками другъ другу въ лицо. Смотрительши узнать нельзя при этомъ свиданн. Въ эту минуту она уже не „начальство“, не чиновница, не ваше благородие, не коллежская регистраторша даже; а просто на просто, все та же прекраснн почтальонша, мывшая когда-то безъ отворокъ полы въ комнатахъ какой-то почтмейстерши.

Торопливо уведить Марья Федоровна своего „дорогого гостя“ прежде всего на кухню; торопливо приноситъ ему цѣлый графинъ воды, не раздумывая даже, влзаетъ ли теперь въ „дорогого гостя“ хотъ одна рожа; торопливо вынимаетъ она изъ печати собственными своими „начальческими“ руками остатки простынная обѣда; торопливо выспрашиваетъ всѣ губернсую новости, и наконецъ, утомившнсь нѣсколько, отправляется будить своего „бестѣянаго дурака“.

Его благородие опочиваетъ удивительно-сладкимъ сномъ на своемъ сузурьскомъ ложкѣ. Спятъ онъ, впрочемъ, собственно не на ложкѣ, а въ довольно широкое отверстие между ложеи и стѣною. Какъ ухитряется „начальство“ спать въ этомъ уеленн, не провалившнсь подъ кровать,—ему неизвестно. Только на ложѣ праотца его Авраама и можно спать такъ сладко и праведно. Сннтся ли ему теперь „прибывающая на шести паряхъ почта“? Сннтся ли ему хота новый полный графинъ воды на кухнѣ, который онъ снова можеть въ эту минуту выпить, весь допнста, со своимъ старымъ прнтелемъ почтальономъ Бывокымъ, не опасаясь больше упрековъ со стороны своей „отлѣвшейся на смотрительскихъ хлѣбкахъ Машечки“? Нѣтъ; ничего подобнаго ему, вѣроятно, не сннтся,—нначе онъ давно бы ужъ вскочилъ, птануль бы снова свой заѣтннн вымучивающнй и не сталъ бы на невозможнн старанн Марья Федоровны разбудить его, отлѣчавъ на какомъ-то повожъ, только одному ему понятномъ, языкѣ:

— Бурррр... тырр... тырр... таххх...

„То-о-то!“ восклицнулъ бы онъ, по обыкновеннн, и тотчасъ же бы воспрннулъ.

А смотрительша все стоить надъ нимъ терпѣливо, все не теряетъ надежды принести своего „глухара“ къ впечатлнннн видимаго мнра. Ужъ чего-то она не дѣлаетъ для этого! И голкаеть-то его, и шиплетъ, и трясеть-то его; даже въ лицо ему плюнула,—нѣтъ! не просыпается да и только его благородие. Наконецъ она прибгаетъ къ послѣднему средству: затыкаетъ ему пальцами обѣ ноздри, а ладонью другой руки—ротъ; но получаетъ такой энергичическн отпоръ, что не рѣшается даже повторить своего маневра.

— Тыфу ты, пропастина этакая! говоритъ она, плюнувъ еще разъ въ лицо, и сердито улаляется.

А съ улицы нѣтъ-нѣтъ да какъ раздастся подѣ самымъ окномъ:

— Язяви твою душу, чортъ!

(Продолженне бугаетъ).

Омулевскнй.

Редакторъ-Издатель П. Макушинъ.

РОЯЛИ и ПИАНИНО фабрикъ: Беккера, Гетце, Дидерихсъ, Мюльбаха, Сmidtъ и Шредера.
ФИСГАРМОНИИ, СКРИПКИ, ГИТАРЫ и проч.

Музыкально-инструментальная торговля П. И. Макушина въ Томскѣ.